

Очерки прошлого ¹⁾.

Графъ Келлеръ, собравъ свое войско, хотѣлъ опять начать бой. Отъ Медвѣдовскаго былъ посланъ адъютантъ къ Келлеру, но при видѣ черкесовъ коняники его бросились вразсыпную, и онъ не могъ найти дороги. Медвѣдовскій просилъ Келлера дѣйствовать артиллеріей, но зарядовъ уже не было. Онъ объяснилъ, что люди его цѣлый день шли и устали. Рѣшено было отложить бой и обо всемъ сообщить Медвѣдовскому.

Одинъ изъ нашихъ военныхъ агентовъ (Зеленый), разговаривая со мной объ этой битвѣ, сказалъ, что взятіе Зайчара съ фронта было невысказано, потому что Османъ-паша обладалъ слишкомъ сильною позиціей. Пало тогда много русскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ взшелъ въ турецкій шанецъ, но солдаты въ самую рѣшительную минуту остановились въ замѣшательствѣ. Офицера турки взяли руками и, вѣрно, не было ему пощады. Слава Осман-паша прогремѣла на весь міръ. Но тогда взятіе Зайчара считалось неважнымъ дѣломъ. Надо правду сказать, что въ то время турки стоили сербовъ. Дохтуровъ сказалъ мнѣ: „Вы теперь сами видѣли все и понимаете, какой подвигъ со стороны Черняева было сдѣлать что-нибудь изъ этого войска. Сербія доказала, что Турція—трупъ; но не думайте, что намъ придется его хоронить. Хоронить Турцію будетъ вся Европа“.

Военный агентъ нашъ сказалъ о сербскомъ войскѣ, что это былъ мнѣ и, знай турки раньше это, Черняеву не

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1916 г.

удалось бы продержаться. Турки высказывались потомъ о Черняевѣ, что онъ очень хитеръ. Они говорили потомъ, такой хитрый и увертливый, какъ Черняевъ.

Мнѣ поручили свезти бумагу въ главную квартиру и мнѣ дали лишь одного провожатаго. Главная квартира и центръ отошли, должно быть, далеко. Метовницы, Щербаловцы, кругомъ вся мѣстность, гдѣ стояло наше войско, теперь опустѣла. Въ деревняхъ валялись цѣлыя горы кукурузы; на виноградникахъ висѣли кисти винограда. Открывалось широкое поле для черкесовъ, но ихъ тоже не было. Когда я вернулся опять къ Келлеру, то узналъ, что битва, бывшая при мнѣ, была послѣдній бурный аккордъ передъ перемиріемъ съ турками. Наконецъ нашелъ я отрядъ Катыча, которому я такъ понравился, что онъ хотѣлъ взять меня въ адъютанты. Когда я вернулся къ графу Келлеру, то онъ, Келлеръ, тоже отпустилъ меня на Банью Брестскую и написалъ мнѣ въ записной книжкѣ:

Въ память 6-го октября 1876 г. считаю пріятнѣйшей обязанностью выразить Григорію Александровичу де-Волану мою искреннюю признательность за поведеніе его во время боя при Копытѣ. Онъ велъ себя отмѣнно хорошо. Онъ все время находился въ огнѣ, получаемыя порученія исполнялъ хорошо и т. д. Подписался графъ Келлеръ, Трифуневичъ, Кирковичъ, Влазичъ, Мельниковъ.

Видѣлъ я въ Бинѣ Анастевича. Онъ очень былъ сердитъ на русскихъ, бранилъ Черняева, находилъ, что сербы больше бы выиграли отъ союза съ Англіей и т. д. Мой товарищъ (раненый) Исаковичъ видѣлъ смерть Скерскаго, которую описалъ въ яркихъ краскахъ. Въ Милановцѣ сербы насъ приняли чрезвычайно радушно, отвели намъ лучшія комнаты и кормили на убой. До Милановца ѣхали мы уже на ладьѣ. Поразила меня дивная красота Голубаца. Тутъ теченіе было такъ быстро, что мы чуть не разбились о скалы. Восхищенію моему не было кобца при видѣ угрюмыхъ скалъ, на вершинѣ которыхъ стоялъ замокъ, который уже не разъ выдерживалъ осаду турокъ. Мы разговаривали мирно; но вдругъ прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Дождь, холодъ и грязь по колѣно не могли развеселить насъ. Всѣ были мрачны, угрюмы, вспоминали Петербургъ и его радости. Потащился я въ обратный путь въ Бѣлградъ въ компаніи одного серба, раненаго въ ногу. Г-нъ Исаковичъ былъ тихій, скромный и кроткій сербъ; только разъ онъ вышелъ изъ себя, и вотъ по какому случаю. Ёхали мы въ

колѣ и растянулись во всю длину; мы прикрыли себя одѣялами отъ дождя. Идетъ по дорогѣ женщина и, увидя насъ въ такомъ положеніи, спросила нашего возницу: „что это вы мертвыхъ везете?“ и начала оплакивать насъ. Я хохоталъ до упада, но Исаковичъ, хотя не трудно раненый, принялъ это за худую примѣту и, плюнувъ съ досады, выругалъ женщину. Исаковичъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной мысли изучить французскій языкъ. Франція обязательно дѣйствуетъ на интеллигентнаго серба, а Россіи они не знаютъ.

Мнѣ и многимъ другимъ, можетъ быть, сдѣлаютъ упрекъ, что мы мало описываемъ мѣстности, въ которыхъ пришлось побывать. Въ оправданіе можно сказать, что, отправляясь въ Делиградъ, каждый имѣлъ въ виду не собраніе свѣдѣній и описаніе мѣстности, а самое дѣло и всѣ его послѣдствія. Если взоръ останавливался на чудномъ ландшафтѣ, то въ большинствѣ случаевъ намъ было не до того, чтобы записывать впечатлѣніе и разспросить кромѣ того гдѣ находятся памятники древности. На разспросы жители отвѣчали неохотно; если они и приносили монеты, то это было исключеніе. Всѣ сербы были поглощены войной и разговоромъ о войнѣ, о томъ, прійдутъ ли русскіе, это занимало ихъ всецѣло.

Передъ глазами рисуется очаровательная мѣстность Баньи Брестовацкой, Майданпека. Майданпекъ содержитъ въ себѣ золотыя росыпи. Вообще дорога была въ высшей степени живописна, но настроеніе было не такое, чтобы любоваться мѣстностью. Сердила насъ всѣхъ потеря времени. Подъѣзжая въ Бѣлградъ, случился пассажъ, который, если дать въ газеты, очень обрадовалъ бы читателей „Neue freie Presse“. Абрамовъ, не разобравъ причины, отчего остановились лодочники на Австрійскомъ берегу (они ждали билета для проѣзда), отдулъ ихъ нагайкою. Австрійцы сбѣжались и подняли крикъ, говоря: „вспомните: вы не въ Россіи“. Мы всѣ сгорѣли отъ стыда за нашего соотечественника. Стыдно было мнѣ и другимъ, что насъ учатъ. „Вы не въ Россіи“ долго раздавалось у меня въ ушахъ. Австрійскій чиновникъ выступилъ защитникомъ серба отъ русскаго произвола. Было бы действительно смѣшно, если бы не было такъ грустно. Попади это въ газеты—вотъ была бы пища для нашихъ недруговъ. Когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ, то всѣ гостиницы были заняты. Къ счастью въ Бѣлградѣ я перваго увидѣлъ Хлудова, который кинулся мнѣ на шею

и сказалъ: „мнѣ сказали, что Васъ убили“. И онъ пріютилъ меня у себя въ комнатѣ. Я думалъ ѣхать дня черезъ два въ Букарестъ, но событія рѣшили иначе. На слѣдующій день я увидѣлъ Гирса. Онъ спросилъ меня: „Вы ничего не слышали? Нашимъ, кажется, плохо“. Я былъ у Николича, но онъ былъ спокоенъ и желалъ мнѣ счастливаго пути въ Букарестъ. Иду къ Карцеву. Тамъ затѣяли споръ о Черняевѣ. Карцеву докладываютъ, что пришелъ къ нему Ристичъ. Онъ вышелъ послѣ объясненія съ Ристичемъ, озабоченный. Черезъ часъ требуютъ Карцева во дворецъ. Только-что онъ вернулся и принялся пить чай, какъ посланный изъ дворца проситъ г. Карцева къ князю Милану. Все это меня изумило, и я спросилъ причину такихъ частыхъ посѣщеній. „Вы умѣете молчать?“ спросилъ онъ. „Да“, сказалъ я ему, и сдержалъ слово. „Турки уже взяли Креветъ, и нашимъ очень плохо. Скверно, что телеграфъ не дѣйствуетъ на Константиполь, и надо телеграфировать черезъ Румынію“. Онъ удалился съ секретаремъ дипломатическаго агентства Ладыженскимъ, чтобы заняться дѣлами. Я просидѣлъ въ консульствѣ до 12 часовъ, а Карцева еще разъ потребовали во дворецъ, и я уже вышелъ на улицу. Тяжелыя думы давили меня. „Вотъ оно перемиріе, думалъ я; кажется, теперь только турки показываютъ свою силу“. Иду по пустыннымъ улицамъ Бѣлграда и вижу, что меня догоняетъ кто-то. Оказался солдатъ. Онъ проговорилъ однимъ духомъ: „Всѣхъ русскихъ требуютъ въ часъ ночи къ военному министру“. „Не случился ли какой-нибудь скандалъ?“ подумалъ я. Слухъ мой поразили громкіе голоса и радостный смѣхъ. Это были австрійцы, но они хохотали на всю улицу, и смѣхъ этихъ нѣмцевъ болѣзненно отдавался въ моей душѣ. Не на нашу ли голову хохочутъ они съ такимъ злорадствомъ, не случилась ли какая катастрофа съ нашими?

Въ военномъ министерствѣ въ часъ ночи собралась большая толпа русскихъ офицеровъ. Прибывшіе вновь и вернувшіеся, все это смѣшивалось другъ съ другомъ, и шумный гулъ стоялъ въ комнатѣ. Хлудовъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ, въ чемъ дѣло? „Я не знаю“, былъ мой отвѣтъ. „Что надо ему сказать, если онъ съ нами заговорить?“ „Скажите, что мы готовы умереть за нашего короля“ (тогда королевскій титулъ признавался всѣми). Томительное ожиданіе кончилось. Между нами появился Николичъ, разстроенный, блѣдный и въ большомъ волненіи проговорилъ: „Господа, на васъ однихъ теперь надежда. Турки тѣснятъ

Черняева со всѣхъ сторонъ; вамъ надо ѣхать туда брже, брже. Лошади будутъ готовы завтра утромъ. Получайте объявы“. Хлудовъ крикнулъ: „умремъ всѣ за нашего короля“, и громкое „ура“ сопровождало эти слова.

Когда я подошелъ къ Николичу ваять у него объяву, онъ спросилъ: „Вы развѣ не ѣдете въ Букарестъ?“ „Нѣтъ, позвольте мнѣ объявку въ Делиградъ“.

Отъ Николича я вернулся къ Карцеву. Онъ сообщилъ мнѣ, что князь Миланъ ѣдетъ самъ въ армію. Войска не хотятъ драться, и на русскихъ теперь одна надежда. „Если съ вами не случится несчастья, то телеграфируйте, а придется вамъ спастись отъ турокъ (прибавилъ онъ съ улыбкою), то консульскій флагъ будетъ вашею охраною“. Ладженскій, читавшій въ это время депешу, прибавилъ: „Ну, я не надѣюсь на нашъ флагъ и съ семьей переѣду въ Землинь. Турки не пощадятъ насъ и нашего флага“. Карцевъ (въ видѣ утѣшенія): „Постараемся васъ выручить, авось заговоритъ Россія, пока васъ всѣхъ не перебьютъ“.

Въ „Сербской Кронѣ“ всѣ сидѣли за столомъ и были въ очень возбужденномъ настроеніи. Хлудовъ былъ уже совсѣмъ веселъ и хотѣлъ дожидаться въ Бѣлградѣ, пока Кузьминскій сформируетъ свой летучій отрядъ. Я уговаривалъ Кузьминскаго ѣхать теперь въ Делиградъ: тамъ его услуги будутъ, вѣрно, очень кстати; но онъ все настаивалъ на своей мысли. „Вотъ сформирую отрядъ и черезъ Дрину проберусь къ Черняеву“. Я думалъ, что онъ, какъ говорятъ, былъ не при всѣхъ. При вступленіи нашихъ войскъ въ Румынію, онъ дѣйствительно закончилъ самоубійствомъ. Хлудовъ вѣрилъ ему и хотѣлъ остаться съ нимъ въ Бѣлградѣ, но мнѣ удалось убѣдить Хлудова въ необходимости его присутствія въ Делиградѣ.

Я зналъ, что ссора Николича съ Черняевымъ дошла до апогея. Черняевъ угрожалъ ему своимъ отъѣздомъ и тѣмъ, что онъ возьметъ всѣхъ русскихъ съ собою: пожертвованія само собою прекратятся. Трудно оправдать Черняева въ этомъ.

Скучно повторять о томъ, что на другой день, когда мы, по словамъ министра Николича, должны были спѣшить, брже, не было колъ и лошадей. Все ограничилось бѣготнею въ штабъ, на почту. Нѣсколько челоуѣкъ (Максимовъ, гр. Комаровскій) наняли лодку и отправились по Дунаю. Ѣхать и быть ближе къ цѣли—вотъ что насъ тревожило. Австрійская береговая стража чуть было не сыграла съ нами въ

войну. Она, должно быть, приняла насъ за утокъ, когда мы близко подъѣхали къ берегу, и прицѣлилась въ насъ. Графъ Комаровскій всталъ въ волненіи и закричалъ на нихъ: „Мы русскіе, мы не позволимъ“. Было очень смѣшно потомъ, но въ данную минуту все это могло кончиться очень трагически. Сербы лодочники отъ страха стали грести все дальше и дальше, а стража все стояла, обративъ на насъ свои ружья и выказывая готовность наградить насъ нѣсколькими выстрѣлами. На колахъ мы ѣхали еще тише. Населеніе, объятые паническимъ страхомъ, уже бѣжало намъ навстрѣчу. Цѣлые караваны возовъ тянулись по большой дорогѣ. Чего только не было на этихъ возахъ. Тутъ были поломанные стулья, кастрюли, всякая домашняя птица, а часто второпяхъ забывали ребенка, и онъ тщетно плакалъ и звалъ свою мать. Мѣстами лежалъ снѣгъ. Были такіе, которые не знали, куда бѣжать, безъ плана сворачивали съ дороги и углублялись въ лѣса, надѣясь тамъ найти спасеніе отъ турокъ. Надо признаться, что населеніе, войско, все потеряло голову, и туркамъ легко было бы тогда дойти до Бѣлграда. А позицій было много, гдѣ можно было бы остановить напоръ турецкой арміи.

Въ Парачинѣ я встрѣтилъ доктора, съ которымъ видѣлся первый разъ въ Кладовѣ. „Зачѣмъ вы ѣдете туда?“ уговаривалъ онъ: „тамъ все пропало; у меня есть мѣсто въ коляскѣ, поѣдьте назадъ. Вы знаете, что въ спорѣ Черняева съ Николичемъ Николичу дали предпочтеніе. Намъ русскимъ нечего теперь дѣлать въ Сербіи.“

Лишинъ прибылъ съ своими казаками. Мы съ нимъ и съ Максимовымъ отправились въ Ражаны. Максимовъ былъ посланъ въ Бѣлградъ, чтобы заказать для ординарцевъ національные костюмы. Тутъ были Албанскій, Черногорскій, Старо-Сербскій, Болгарскій костюмы. Заказъ былъ исполненъ, но не въ веселую минуту для Черняева. Въ Ражанахъ слышна была пальба. Никто не зналъ, гдѣ главнокомандующій, въ Делиградѣ ли или въ Алексинацѣ. Мы рѣшились отыскать его и поскакали туда. Тяжелое впечатлѣніе производила вся Сербія въ этотъ моментъ. Всѣ гозорили шепотомъ, съ боязнью. Какъ страшная лавина представлялась имъ теперь Турція. Говорили, что Черняевъ боленъ.

Грустно намъ было увидѣть Черняева въ маленькой комнаткѣ, въ которой едва помѣщались три человѣка. Слезы были у него на глазахъ, волненіе душило его, и онъ отрывисто говорилъ: „Все теперь пропало. У сербовъ нѣтъ

любви къ родинѣ. (Потомъ онъ измѣнилъ свой взглядъ). Я четыре мѣсяца держался противъ турокъ; наконецъ и у сербовъ не стало терпѣнія. Оно и понятно. Ихъ взяло отчаяніе—ни откуда не приходила помощь. Теперь здѣсь все кончено; прійдутъ русскіе. Я поѣду въ Ливадію*. Затѣмъ онъ высказался довольно мрачно о нашей готовности къ войнѣ. „Разочарованіе въ болгарахъ полное. Имъ теперь не подняться“. Увидавъ Лишина, онъ сказалъ: „Ахъ, вы пришли съ казаками“. Схватился онъ за голову и съ досадою выговорилъ: „Боже, какъ все поздно. Все поздно, теперь больше ничего не нужно. Впрочемъ (сказалъ онъ, оправясь) мы найдемъ имъ и теперь работу. Разослать ихъ по деревнямъ, чтобы обезопасить населеніе отъ черкескихъ набѣговъ“.

Въ сосѣдней комнатѣ находился штабъ, и оттуда раздавалось пѣніе. Н., прочтя на лицѣ моемъ изумленіе отъ веселаго пѣнія французскихъ шансонетокъ, поспѣшилъ прибавить шопотомъ: „Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas“. Не буду описывать возвращеніе Черняева среди бѣгущаго населенія. Онъ останавливалъ ихъ и говорилъ, что заключено перемиріе. Въ Парачинѣ ему не поставили караула и не хотѣли пустить его въ конакъ. Это возмутило нашу компанію. Захотѣли поставить ему почетный караулъ, состоящій изъ офицеровъ. Нѣкоторые не соглашались, другіе говорили, что Черняевъ, въ данный моментъ, является представителемъ Россіи и что если мы, русскіе, не окажемъ ему особеннаго почета, то его совсѣмъ втопчутъ въ грязь. Главное, трудно было собрать подписи участниковъ въ этой демонстраціи. Подхожу къ одному добровольцу и подаю листъ. „Что это такое?“ Объясняю. Смотритъ на листъ и недоумѣваетъ. „Не хочу я оставаться въ Сербіи“. „Да тутъ ничего объ этомъ не написано“. „А вдругъ скажутъ: подписался въ Сербіи“. „Да полноте, развѣ вы не видите, что тутъ написано“. „Ну, вы хорошій человѣкъ, давайте, подпишу. А у меня будутъ хорошія щи, приходите, когда кончите обходъ“.

Я помѣстилъ слова: „вы хорошій человѣкъ“ не съ цѣлью восхваленія собственной личности, это было бы слишкомъ наивно съ моей стороны. Нѣтъ, я хотѣлъ только этою маленькою чертой показать, что у насъ въ Россіи еще долго будетъ имѣть значеніе, кто проситъ, но не за что онъ проситъ. Не дѣло, а люди и отношенія къ нимъ будутъ играть первенствующую роль въ нашей исторической жизни.

Когда Черняевъ вышелъ къ добровольцамъ, онъ, послѣ шумныхъ овацій, произнесъ рѣчь, въ которой очень хорошо и справедливо отнесся къ сербамъ. Эта рѣчь была напечатана въ газетахъ. Я первый ее записалъ и далъ копію одному корреспонденту. Форбсъ пришелъ ко мнѣ и просилъ меня перевести ее по-англійски. Переводя ее по-англійски, я не помѣстилъ фразы: „Меня примутъ въ Ливадіи и тогда“ и т. д. Отчего вы выпускаете эту фразу? спросилъ Хлудовъ, который тоже зналъ по-англійски. Поѣздка въ Ливадію еще не рѣшена, и Черняевъ скомпрометируетъ себя передъ цѣлой Европой, если послѣ этихъ словъ не будетъ принято въ Ливадіи“.

Такъ и пошли обѣ рѣчи, русская и англійская безъ заключительной фразы о Ливадіи. Сербамъ, конечно, эта фраза показалась какъ знаменіе неба.

Черняевъ былъ настроенъ оптимистически, пока не была получена рѣчь Государя и извѣстіе, что Черняева не примутъ.

„Вы слышали, сказалъ онъ мнѣ. Сербы обижены. Я вѣрно не вернусь въ Россію. Я теперь измѣнникъ. Что вы думаете, будетъ война? Нѣтъ, это только демонстрація. Слишкомъ газеты распространяются. Сербы же одни воевать не могутъ. Я, впрочемъ, сказалъ онъ съ горечью, выстроимъ имъ мостикъ. Они перейдутъ. То же самое было въ Ташкентѣ. Скоро узнаютъ здѣсь, что я не поѣду въ Россію и мнѣ здѣсь нельзя будетъ оставаться. Я спрячусь въ какой-нибудь уголокъ и никто не будетъ знать, гдѣ я“. „Не будете ли Вы командовать сербами?“ Сербы хороши какъ гарнизоны—не могу же я удовольствоваться этою ролью, я все думалъ, что здѣсь будетъ русскій корпусъ. Напротивъ, теперь сочинили какой-то нелѣпый планъ. Я вѣрно не вернусь по смерти Государя. Русскіе отсюда бѣгутъ, требуютъ возвращенія на родину, даже тѣ, которые только-что прибыли.

Потомъ Черняевъ нападалъ на дипломатію, *которая испортила все дѣло*“.

Интересно, что мнѣніе Черняева о томъ, что не будетъ войны, раздѣлялось и барономъ Стюартомъ и почти всѣмъ Петербургомъ. Стюартъ говорилъ: вспомните мое слово. Сѣверный медвѣдь двинется, а тамъ Австрія скажетъ ему стой, и пойдетъ обратно шествіе въ Россію. Хорошее будетъ положеніе представителей Россіи за границей. Адское, накушаемъ грязи вдоволь.

Не знаю, кому пришло въ голову дать обѣдъ Черняеву. Обѣдать съ шампанскимъ было неумѣстно, когда доходили слухи о голодающихъ сербахъ. Народу набралось много. Всѣ сербскіе министры пришли на обѣдъ.

Ристичъ произнесъ рѣчь, переданную во всѣхъ газетахъ. Мнѣ онъ сказалъ: „Мы скоро оправимся, два хорошихъ урожая, и вы не узнаете страны“.

Потомъ я видѣлъ его черезъ нѣсколько дней. Онъ очень обидѣлся на Аксакова (дѣйствительно безтактно со стороны Пред. Сл. Комитета), который писалъ ему, что Сербія не имѣетъ права выдавать ордена (а посылка добровольцевъ развѣ не была подтвержденіемъ этого права).

Совершенно случайно вмѣсто сербскаго гимна заиграли „Боже, Царя храни“. Раздалось неумолкаемое ура. Такъ хороши и величественны казались мнѣ въ эту минуту мои боевые товарищи. Русь заговорила въ нихъ. Черняевъ не могъ произнести тоста, не упоминая короля Милана (а не князя). Онъ ловко вывернулся, выпивъ за здоровье Государя Сербіи.

Въ Бѣлградѣ положеніе было очень натянутое. Сербы опасались насъ и устроили овацію Новоселову, ходили слухи о переворотѣ. Я знаю, что эта мысль вошла въ голову Милана, Карцева и даже Черняева (мнѣ очень больно въ этомъ сознаться). Онъ совсѣмъ потерялъ голову и прибѣгаетъ къ такимъ штукамъ. Иногда какой-нибудь пустякъ даетъ событіямъ другой ходъ. Племянникъ Карцева (онъ мнѣ и рассказалъ все), узнавъ объ этомъ, пригрозилъ дядѣ, что онъ изъ Землина (Австрія) дастъ телеграмму во всѣ газеты о томъ, что готовится въ Бѣлградѣ. Карцевъ сознался впоследствии: „что на чужихъ штыкахъ нельзя основать самодержавія“. Еще бы. Великій порывъ русскаго народа къ счастью не былъ омраченъ такимъ пакостнымъ финаломъ. Я уже собирался уѣзжать, но многіе оставались, говоря, что теперь будетъ интересно, если пойдетъ рѣзня между русскими и сербами. Слава Богу, это былъ бредъ разгоряченныхъ головъ.

Русская партія побѣдила. Карцевъ съ Черняевымъ сошлись. Николича спустили, и министерство примирилось съ назначеніемъ Саввы Груича (начальникъ артиллер. при Черняевѣ), Николичъ (другой) былъ отправленъ въ Кладово съ поштономъ. Отправленіе Мариновича (не сочувствовавшего войнѣ) состоялось по совѣту Карцева, и въ этомъ они ошиблись, какъ и въ другомъ. Ристичъ былъ очень недо-

волеяъ этимъ. Онъ мнѣ сказалъ при прощаніи: „La Russie est assez forte pour ne pas demander le secours de la Serbie“ и т. д.

Интересно было выслушать мнѣніе нашего военного агента въ Константинополѣ Зеленаго о турецкой арміи: визамъ хорошъ, но плохи генералы и офицерство. Редифы не могутъ выдержать натиска русскихъ. Намъ на Дунаѣ необходимо имѣть 250 т. армію, которая бы разомъ покончила войну.

Я заходилъ къ митрополиту Михаилу и предлагалъ ему въ видахъ благотворительности собрать Славянскій съѣздъ въ Бѣлградѣ. Митрополитъ только сказалъ: „узнайте, что скажетъ на это дипломатія, и не рѣшался собрать въ Бѣлградѣ представителей Славянскихъ обществъ въ Россіи, Австріи и Сербіи. Собрать такой съѣздъ было бы тогда очень полезно. Славяне могли бы на этомъ съѣздѣ сговориться на счетъ будущихъ плановъ, разрѣшить недоразумѣнія между сербами и болгарами, сербами и хорватами и т. п. Первый актъ законченъ, сказалъ Черняевъ въ Парачипѣ. Въ этихъ словахъ смутно выражалось, что сербскою войною не закончится восточная трагедія.

Въ Петербургѣ моя эскапада ¹⁾ не понравилась. Гирсъ обратился ко мнѣ съ упрекомъ: „мы дали Вамъ отпускъ, а вы поѣхали искать авантюры въ Сербіи. Потомъ онъ, принявъ въ соображеніе мое положеніе въ Славянскомъ Обществѣ, перемѣнилъ гнѣвъ на милость, но я уже обидѣлся и не ходилъ въ Департаментъ. Въ концѣ концовъ меня причислили къ Министерству. Петербургъ былъ на

¹⁾ При семъ прилагается выдержка изъ письма Мельникова къ барову Стюарту: „Въ концѣ сегодняшняго присутствія я къ полному моему удивленію получилъ письмо отъ Васильчикова, который уведомляетъ меня о принятомъ Славянскимъ Комитетомъ рѣшеніи высылать деньги члену Комитета Деволану. Это взорвало меня, и я доложилъ объ этомъ дѣлу Гирсу и выставилъ ему на видъ неблаговидность подобнаго рѣшенія, если чиновникъ Азіатскаго Департамента начнетъ заниматься вербовкою и обмундированіемъ добровольцевъ. Гирсъ разсердился не на шутку на Деволана и особенно за то, что онъ выпросился у него въ отпускъ для леченія на водахъ, а вмѣсто того отправился въ Букарестъ для того, чтобы заварить тамъ какую-либо кашу, которую придется прежде всѣхъ расхлебывать намъ. Постарайтесь выпроводить его изъ Букареста и объявите ему, что Гирсъ крайне недоволенъ его поведеніемъ и что если онъ дѣйствительно принялъ на себя обязанности агента Славянскаго Комитета, то ему одновременно нельзя быть чиновникомъ Азіатскаго Департамента“.

распутья, говорили о войнѣ съ турками. О неготовности нашей къ войнѣ говорили всѣ. Іонинъ разъ ужасно озаился на одного генерала во дворцѣ и сказалъ: „если обыкновенный смертный говорить, что мы не готовы то это ничего, но если русскій генераль говорить, что мы не можемъ осилить турокъ, то значить—вся русская армія ничего не стоитъ“. Ему бѣдному приходилось выдерживать большую борьбу въ Петербургѣ противъ такихъ тупыхъ генераловъ, противъ Горчакова, про котораго сочинили стихъ:

Стихло все, нигдѣ ни слова,
Успокоился Востокъ
Лишь изъ... Горчакова
Тихо сыплется песокъ.

Игнатъевъ спросилъ Іонина: „слышали про то, что сыплется“. Домонтовичъ былъ такого мнѣнія, что кампанія будетъ быстрая и рѣшительная. Я оспаривалъ это на томъ основаніи, что однѣ крѣпости займутъ нѣсколько мѣсяцевъ. Черняевъ, конечно недовольный, видѣлъ все въ черномъ свѣтѣ. Прощаясь со мной, Монтеверде высказалъ свое воззрѣніе на все совершившееся: „Россія потеряла все свое обаяніе здѣсь, наша роль уже сыграна (я сильно сомнѣвался)“.

Въ Бѣлградѣ уже доходили газетныя обвиненія Черняева. Я обвиняю его въ томъ, что онъ взялъ на себя дѣло, не потребовавъ себѣ диктаторскую власть (тамъ въ Делиградѣ), не убѣдясь въ количествѣ оружія, въ готовности сербскаго войска. Этого человѣка судьба выбрала себя въ орудіе для того, чтобы указать намъ два великихъ пути — въ Среднюю Азію и борьбу за славянскую идею. Теперь эта идея живетъ въ обществѣ и орудіе бросается какъ негодное. Другіе люди пойдутъ по этому пути. Всѣ мѣшали ему — но камень катился и никакіе дипломаты (въ родѣ Мельникова, Гирса и др.) не остановятъ мірового движенія. Славянская эра занимается. Появленіемъ славянства въ лицѣ Россіи или расцвѣтомъ (я того мнѣнія) новаго, свѣжаго племени. Теперь каждая держава понимаетъ свои интересы и Русское общество (чего я такъ страстно желалъ) прозрѣло и создало свою задачу. Всѣ обвиненія Черняева падаютъ передъ этимъ фактомъ громадной важности. Славянство въ Австріи испытываетъ тоже томленіе этой борьбы. Сербы упали во мнѣніи

другихъ славянъ. Я сказалъ Стюарту, что война доказала двѣ истины, что Турція умерла или находится при послѣднемъ издыханіи и что кромѣ Россіи нѣтъ центра, нѣтъ Пьемонта для славянства. Сербы слишкомъ добродушны, слишкомъ честны, демократичны. Въ ихъ государственной организаціи недостаетъ костей или мускуловъ—это *état modèle*, образцовое государство; всѣ счастливы, довольны, но у нихъ нѣтъ высокихъ стремленій. Меня поразили слова одного простого серба: „да, вы найдете въ другихъ мѣстахъ хорошіе города, но нигдѣ бѣдному нѣтъ такого хорошаго житья, какъ въ Сербіи“. „Здѣсь неудобно имѣть большую собственность. Вы не найдете рабочихъ“... Безпечный, довольный, каждый работаетъ на себя и хранитъ свято свое собственное достоинство. Нѣмцы же прибываютъ въ Бѣлградъ. О русскомъ вліяніи здѣсь не было слышно и не будетъ слышно до тѣхъ поръ, пока славянскіе ручки не сольются въ русскомъ морѣ.

По возвращеніи изъ Сербіи я прочелъ въ Комиссіи Слав. Благ. Комитета записку. Я теперь не согласенъ со всѣми ея выводами, но помѣщаю ее ради историческаго интереса.

М. Г.

Вы прослушали скорбную новость о неудачахъ нашей первой попытки въ дѣлѣ славянскаго сближенія. Вы сами сознаете, что ошибокъ было совершено много и что враги наши теперь пожинаютъ тамъ, гдѣ мы посѣяли. Англичане развязали свои кошельки и уже устроили помощь не по-нашему. Построенъ домъ для призрѣнія бѣдныхъ, и оттуда идетъ громадная помощь платьемъ, холстомъ и т. д.

Намъ нельзя отступить, напротивъ мы должны развить нашу дѣятельность. Умудренные опытомъ, мы должны избѣгнуть прежнихъ ошибокъ. Вспомнимъ тѣ недостатки, которыми отличалась наша прежняя дѣятельность, и въ этой оцѣнкѣ фактовъ мы найдемъ путеводную нить для будущихъ дѣйствій. Главный промахъ нашъ состоялъ въ полномъ незнакомствѣ съ бытомъ страны. Демократичная Сербія не переносила начальственныхъ замашекъ русскихъ людей. Сербы слишкомъ спокойный, можно даже сказать апатичный народъ, чтобы находить вкусъ въ нашихъ рѣзкихъ поступкахъ.

Затѣмъ, уполномоченные нами прежде всего заботились о томъ, чтобы играть роль. Наши добровольцы установили между собой такія отношенія, которыя можно назвать товариществомъ въ самомъ широкомъ значеніи слова. Имъ не нравился начальническій тонъ нѣкоторыхъ лицъ. „Они пришли намъ помогать, а начальниковъ намъ не нужно“, говорили они. Наше начальство Черняевъ. Что такое Славянскіе Комитеты? Это посредники и исполнители воли русскаго общества.

Я вообще позволю себѣ высказать мысль, что лучше и не посылать уполномоченныхъ. Каждый уполномоченный долженъ изучить среду, въ которой онъ будетъ дѣйствовать. Всякое изученіе влечетъ за собой промахъ, а промахъ отражается на успѣхѣ самого дѣла. Лучше всего назначить агентовъ Сл. Комитета изъ мѣстныхъ дѣятелей. Такимъ образомъ установятся постоянныя сношенія съ славянствомъ. На это всегда найдутся желающіе люди, готовые служить дѣлу во имя идеи. Имъ необходимо дать инструкціи. Съ другой стороны эти лица могутъ изъ-за насъ потерять мѣсто. Но мы должны будемъ найти имъ выходъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ они очутятся благодаря своему служенію Славянству (я разумѣю тутъ Австро-Венгрію). Затѣмъ намъ надо для послышки нашихъ пожертвованій воспользоваться существующими на мѣстѣ благотворительными комитетами. Въ Сербіи въ Бѣлградѣ—Русскій добротворный отборъ. Въ Букарестѣ необходимо помирить старый и новый комитеты и требовать ихъ сліянія, какъ *conditio sine qua non*, если они хотятъ получать отъ насъ деньги. Въ Кроаціи, Венгерской Сербіи, есть матицы, которыя охотно войдутъ съ нами въ сношенія. Агентомъ могутъ быть у насъ въ Бѣлградѣ—митрополитъ Михаилъ, котораго сдѣлать почетнымъ членомъ нашего Комитета. Въ Прагѣ—поднести дипломъ почетнаго члена Ригеру или Сладковскому. У угорскихъ русскихъ—Добрянскому (не гласный, потому что это можетъ повредить ему). Въ Пештѣ—Рубіи, человекъ уже почтенный, не успѣвающій на службѣ, вслѣдствіе своихъ московитскихъ убѣжденій. Въ Черновцахъ—есть Русская Бесѣда—предсѣдатель этой Бесѣды могъ бы быть нашимъ агентомъ. Въ Львовѣ одинъ изъ депутатовъ русскихъ въ Австрійскомъ парламентѣ. Въ Загребѣ—епископъ Штроссмейеръ. Въ Зарѣ—тоже предсѣдатель дружества. У Венгерскихъ сербовъ—Лазарь Костицъ, депутатъ, знающій хорошо по-русски. Эти агенты будутъ

сообщать намъ свѣдѣнія (которыя мы, конечно, не можемъ печатать, иначе мы можемъ погубить все дѣло). Кромѣ того мы должны непремѣнно выдавать хоть небольшія субсидіи словацкимъ, сербскимъ и угорско-русскимъ газетамъ. Чехи и хорваты сами довольно богаты и могутъ обойтись безъ нашей помощи. Имъ слѣдуетъ посылать русскія книги. Я не говорю о Черногоріи и Герцеговинѣ, потому что пока у насъ имѣется такой дѣятель, какъ Алек. Сем., то мы можемъ быть спокойны, что дѣло не погибнетъ. Для успѣха дѣла необходимо будетъ сговориться со всѣми этими дѣятелями и затѣмъ уже назначить ихъ. Затѣмъ необходимо назначить ежегодно особаго уполномоченнаго, который бы объѣзжалъ означенныя мѣстности и на мѣстѣ узналъ бы, что дѣлается. Отчетъ этого уполномоченнаго не долженъ печататься. Это будетъ компрометтировать мѣстныхъ дѣятелей, которые не захотятъ подвергаться нападкамъ австрійскаго правительства. Для постоянныхъ сношеній съ нашими заграничными агентами выбрать нѣсколько лицъ, которыя передавали бы имъ деньги, получали бы справки и т. д.

Это все общія мечты. Теперь перейдемъ къ частностямъ.

I.

Предложить общему собранію слѣдующія мѣропріятія:
 а) Въ виду того, что Славянскій Комитетъ не можетъ въ скоромъ времени получить обратно 130 т. отъ сербскаго правительства, предоставить купоны въ распоряженіе сербскаго правительства съ тѣмъ, чтобы оно на наши деньги содержало бы учителей русскаго языка. Это предложеніе будетъ очень радушно принято въ Сербіи, которая хочетъ ввести преподаваніе русскаго языка въ сербскихъ училищахъ. б) Устроить книжный магазинъ въ Бѣлградѣ (затратить придется не болѣе 2.000 р.). Сербы съ готовностью предоставятъ намъ помѣщеніе. Особенно желаютъ они имѣть научныя сочиненія. Таковую же бібліотеку устроить въ Пожаревцѣ—тамъ сельско-хозяйственный институтъ. Для осуществленія общихъ мѣръ, предлагаемыхъ мною, и для устройства бібліотекъ въ Пожаревцѣ и Бѣлградѣ достаточно ассигнованныхъ мнѣ и неизрасходованныхъ мною суммъ.

II.

Принять мѣры для помощи голодающимъ сербамъ, болгарамъ. Лучшее средство было бы отпустить хорошую сумму въ русски добротворни отборъ, а нашему уполномоченному предоставить только наблюдать за правильнымъ исполненіемъ порученій Комитета. Туда же направить всѣ наши вещевыя пожертвованія, они всѣ найдутъ мѣсто и назначеніе.

Мы можемъ смѣло сказать „мы потерпѣли неудачу, но мы знаемъ, какъ поправить зло. Только когда мы опредѣлимъ программу нашихъ дѣйствій, когда мы познакомимся съ славянами, когда мы узнаемъ ихъ слабыя стороны, узнаемъ хорошо наши средства, установимъ прочно наше вліяніе—только тогда мы съ увѣренностью встрѣтимъ грядущія событія“. Когда вспыхнуло Герцеговинское возстаніе, у меня вырвалось замѣчаніе: какъ это рано... Мы были неготовы принять въ свои руки движеніе—руководить имъ. Мы еще недавно ознакомились съ дѣломъ. Но возьмемъ правительство. Уничтоженіе рейсовъ по Дунаю совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда сербы объявили войну Турціи. Сколько оружія, людей мы могли бы перевезти туда, и мы тогда навѣрное побѣдили бы. Надо надѣяться, что мы воспользуемся опытомъ, что мы встрѣтимъ будущее во всеоружіи (знанія). И тогда, если вспыхнетъ искра на Востокъ, то наши силы не пропадутъ даромъ, онѣ создадутъ прочное зданіе, которое просуществуетъ столѣтія. На этомъ зданіи будутъ начертаны слова: „союзъ славянскихъ народовъ“.

Не могу никакъ найти мою рѣчь, произнесенную въ Славянскомъ Комитетѣ. Рѣчь эта понравилась Суворину, и онъ помѣстилъ ее въ „Новомъ Времени“. Помнится мнѣ, что Михайловскій поднялъ меня на смѣхъ за одну фразу о томъ, что я увѣровалъ въ славянство.

Но съ другой стороны въ Сербіи, какъ это видно изъ корреспонденціи, помѣщенной въ „Русскомъ Мірѣ“ (11 января 1877 г.), рѣчь произвела совершенно другое впечатлѣніе.

Бѣлградъ.

(Корреспонденція „Русск. Міра“).

31 декабря 1876 г. (12 января 1877 г.).

Дамъ Вамъ отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Бѣлградѣ рѣчью г. А. де-Волана, которую онъ произнесъ

14 декабря, въ засѣданіи петербургскаго славянскаго комитета. Эта рѣчь воспроизведена въ сербскомъ переводѣ газетою „Istok“, и вчера я присутствовалъ въ кружкѣ литераторовъ и художниковъ при чтеніи означенной рѣчи. Здѣсь было 17 представителей сербской интеллигенціи. Вслѣдствіе возбужденнаго состоянія сербскихъ умовъ, въ виду изолированнаго положенія, въ которомъ очутилась страна, въ виду той грязи, которою закидываютъ ее со всѣхъ сторонъ, весьма естественно, что малѣйшій дружественный отзывъ приноситъ нѣкоторое утѣшеніе. Рѣчь г. Волана, сражавшагося лично въ рядахъ сербской арміи и вполне оцѣнившаго высокій смыслъ событій, которыхъ былъ очевидцемъ, произвела глубокое дѣйствіе на присутствующихъ. Литераторъ, читавшій ее вслухъ, нѣсколько разъ останавливался, чтобы стереть невольно выступавшія на глаза слезы. Воланъ совершенно правъ, говоря, что событія застигли насъ врасплохъ, въ моментъ, когда народы не были вовсе еще подготовлены къ славянской солидарности.

Что бы ни говорили недруги славянства, а война сербская сдѣлала свое дѣло. Участіе, принятое русскими комитетами; отголосокъ, который война эта нашла у чеховъ, словаковъ, словеновъ и далматовъ, все это сѣмена, обѣщающія хорошую жатву. Если недостатокъ организаціи частью парализовалъ благородныя усилія и значительную поддержку, оказанную славянскими комитетами, мы, сербы, никогда не забудемъ возвышенныя побужденія, ихъ патріотическое увлеченіе, ихъ постоянство въ желаніи намъ помочь достигнуть цѣли, ихъ стремленіе видѣть насъ торжествующими. Да, всѣ честныя сердца, всѣ мыслящіе умы, на берегахъ Дуная и Савы отнынѣ связали себя навсегда съ славянскими комитетами въ Россіи, ихъ единственными истинными друзьями и братьями. Мы обязаны имъ вѣчною признательностью, которую завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ... И если даже, въ нашей средѣ, явятся эгоисты, которые дерзнутъ возвысить свой голосъ противъ братьевъ русскихъ, они будутъ сочтены ренегатами, и мы первые поспѣшимъ признать ихъ непринадлежащими къ нашей народности.

Послѣ всей этой массы грязи, инсинуацій, которыми осыпали въ послѣднее время несчастную сербскую націю, заявленія, подобныя тѣмъ, которыя сдѣлали г.г. Воланъ, Майковъ и другіе русскіе писатели и ученые, еще не менѣе

укрѣпляютъ солидарность юго-славянско-русскую; тѣмъ вѣрнѣе, что во всей прессѣ сербской и юго-славянской не поднялась ни одна жалоба, ни одинъ упрекъ, обращенные къ волонтерамъ. Братья русскіе! Не перестанемъ трудиться надъ великимъ дѣломъ, къ которому въ согласіи приступили совмѣстно русскіе и сербы; будемъ трудиться, чуждые эгоизма, всецѣло проникнувшись величіемъ нашей миссии, и мы неизбѣжно достигнемъ цѣли. Таковы пожеланія, съ которыми я обращаюсь къ вашимъ читателямъ наканунѣ новаго года, въ надеждѣ, что этотъ новый годъ принесетъ славянскому міру вождельнное освобожденіе ¹⁾.

Григорій де-Волланъ.

Почтимъ память недавно отошедшаго въ вѣчность нашего сотрудника Григорія Александровича де-Воллана. Миръ праху его.

Провидѣнію не было угодно продлить жизнь до того времени когда славянскій міръ получитъ вождельнное освобожденіе.

* Ред.

¹⁾ Письмо это писано однимъ извѣстнымъ сербомъ и представляетъ интересъ, именно показывая, съ какимъ чувствомъ теперь сербы относятся къ Россіи.

Ред.